

ДИАЛОГ С ПРОСТЫМИ ВЕЩАМИ

Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева.
СПб.: Алетейя, 2014. 384 с. (Тела мысли).

Шугайло Ирина Васильевна
кандидат философских наук
доцент кафедры
межкультурных коммуникаций
Государственный
университет морского
и речного флота
им. адмирала С. О. Макарова
(г. Санкт-Петербург)
e-mail: vshugajlo@yandex.ru

Одна из самых заветных целей людей — обрести счастье. Его мы ищем всю жизнь, не определив для себя изначально, в чем оно. Когда нам говорят: «Надо довольствоваться малым», или из сказки мы узнаем, что самым счастливым оказывается тот, у кого кроме рубашки ничего и нет, мы практически этому не верим. Общество потребления приучило нас к тому, что жить надо в свое удовольствие, ведь жизнь одна, и чем большим количеством вещей мы владеем, тем мы счастливее. И так мы ищем, приобретаем, овладеваем всем, пока не устанем, не пресытимся, пока не исчезнут силы, которые нужны для погони за счастьем. Видимо, этот этап поисков необходим, ибо тот, кто довольствуется малым изначально, не вызывает у нас уважения. Есть люди, которым нужно очень мало, и часто они непритязательны и нелюбознательны. Стремящиеся к познанию и к самосовершенствованию, что греха таить, их осуждают и называют мещанами, обывателями, филистерами. Как может быть до конца счастлив человек, ничего не знающий о Новой Зеландии? А он счастлив! И где-то в глубине души мы завидуем человеку, которому вроде бы и делать ничего не нужно, чтобы быть счастливым. Но прийти к осознанию того, что человеку для счастья нужны самые простые вещи, не так-то просто. Это надо прочувствовать, это своеобразный дзен, а он, как известно, у каждого свой.

Именно поэтому, я думаю, книгу «Сила простых вещей» издали философы, для которых трудно и неестественно изначально принять самые простые вещи, они до этого должны дой-

ти, так как «сложное притягивает наше внимание значительно чаще» (С. Лишаев, с. 5). Не случайно эта книга явилась результатом многолетнего труда: семинаров, конференций и появлений в печати отдельных статей — как подступов к конечному результату. У каждого свое место, где находятся его вещи, и у некоторых они в памяти и невидимы, у других они рядом, а у третьих — это путь к своим вещам и освобождение от ненужных или старых вещей через усилие осмысления. Мы приходим в мир иногда в «рубашке», и это знак принадлежности к двум мирам одновременно, и уходим иногда в лучшем костюме, а иногда в новом...и деревянном. На кухне у хозяйки проходит целая неделя, раскрывающая (безусловно, в натуре творческой) все скрытые смыслы дней недели, здесь весь космос, и ей комфортно (М. В. Михайлова «Путешествие по кухне»).

Читая книгу в электронном варианте, я ощутила, хоть и исследую медиа, что мне не хватает книги как вещи, которую можно потрогать, сделать заметки, загнуть странички и подержать в руках. Виртуальная книга напомнила мне музыку, результаты многодневных усилий иногда нельзя ощутить или они исчезают, пару дней не играл — и это уже нельзя донести до остальных так, как хотелось бы. Другое дело — живопись; даже если получился неудачный этюд, на этом же холсте можно написать другой, да и посредственный результат — это картина, и ее можно повесить или продать. Книга печатная подобна предмету, книга виртуальная напоминает музыку. О виртуальной книге остается особое впечатление: она обрастает «покрывающими воспоминаниями», которые комбинируются из наших ощущений, чувств, фантазий по поводу прочитанного. Ею нельзя любоваться, испытывать кинестетические ощущения, а это было бы так актуально, читая о силе *простых вещей*. Книгу, наконец, мы привыкли носить с собой, делать в ней пометки, зачитывать фрагменты друзьям, даже класть под подушку. Здесь я не берусь судить о том, что можно делать с электронной книгой, но, по-моему, все эти операции по крайней мере не затрагивают наших ощущений. Правда, электронную версию можно еще и слушать, но «Сила простых вещей» пока еще не существует как аудиокнига. Работы, собранные в сборнике «Сила простых вещей» под одной обложкой, по замыслу редактора, подобны «саду вещей». Не правда ли, это сразу предлагает медитацию, которая, надо сказать, вполне состоятельна: книга завораживает, и, даже если вы отрываетесь от той или иной статьи в силу ее сложности или из-за наплыва собственных чувств по этому поводу, книга не отпускает. Волей-неволей вы начинаете прислушиваться к тем вещам, которые вас окружают, вспоминать их легенды, видеть их свечение, слышать их голоса. И опять-таки понятно, почему философы долгое время вынашивали замысел этой книги — с 2007 года: полифония голосов вещей звучит в нас, требуя чистоты звучания, и для различения основных тем требуется большая работа.

Тайну воздействия простых вещей ищут философы из Казани (Г. В. Мелихов), Москвы (О. А. Балла-Гертман), Самары (С. А. Лишаев, Ю. А. Разинов, Ю. Е. Пермьяков, А. Е. Сериков, С. И. Голенков, Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, В. П. Лехциер, Е. Ю. Михалева), Санкт-Петербурга (А. К. Секацкий, М. В. Михайлова, А. А. Грякалов, А. В. Конева, Н. А. Грякалов). Авторы статей по-своему размышляют над этой темой. В статьи вплетены

стихотворные строчки, описания собственного опыта сопричастности, детские воспоминания. Некоторые авторы (С. А. Лишаев, М. В. Михайлова) появляются неоднократно, и так как именно их статьи мне показались наиболее поэтичными и личными, вся композиция выстраивается рефренообразно, наподобие музыкального произведения. Подобно стихам Г. Лорки, у этого сборника явно есть своя музыкальность: ритм, рефрены, вариации. Его хочется читать медленно, ничего не пропуская. Будучи замороженной стилем и искренностью авторов, мне захотелось прочитать все последовательно — «от корки до корки». И впечатление отчасти такое, как от фильма Тарковского: все выстроено и просчитано — нельзя купировать, вставить и выходить, пропускать рефрены. Лирические статьи (С. Лишаев, М. Михайлова) чередуются с очень философски нагруженными (А. А. Грякалов), кульминация приходится на вторую статью М. Михайловой, а потом разрядка и повторение с вариациями. Но это, пожалуй, личные ощущения, хотя думаю, что К. Леви-Стросс вполне бы этот сборник мог проанализировать как партитуру. По принципу построения «Дневника одного гения» Сальвадора Дали можно выделить в размышлении о простых вещах таких «авторов», присутствующих в диалоге философов, как Августин, Св. Игнатий Лойола, Платон, К. Кастанеда, Э. Юнгер, Ф. Ницше, В. Пелевин, С. Жижек, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр и многих других.

Простые вещи, и к этому приходят все авторы, — это те, которые связаны с нашими первыми воспоминаниями, домом, познанием мира и себя. Для каждого они разные. Они как материальные, так и идеальные, а некоторые даны нам в виде образов, которые преподнесли нам близкие или значимые люди. О. Балла-Гертман утверждает, что вещи оберегают нас от небытия. Мы их приобретаем и теряем, и это закономерный процесс личностного взросления. «Вещи надо отпускать, уметь отпускать — и с благодарностью, точно как людей... вещи устают, им хочется в небытие» (с. 109). Вещи при таком подходе как бы становятся нами самими, и отрываться от них очень трудно, но необходимо: «Каждая потеря — акт взросления и рождения. Рождение без боли — не настоящее, как и взросление без травм и утрат. Всякая потеря заново производит нас на свет: вытаскивает из теплого лоно сложившейся и обжитой ситуации в холод и ветер мира, из прежнего дома — в новое бездомье. Всякая потеря — инициация: в новое, постутратное состояние» (с. 109).

С. Лишаев в своей второй статье «Первое, что запомнилось (вещь в биографическом контексте)» считает, что именно те вещи, от которых исходит некая энергия, свет, влияют на нас: «Вещи извлекаются из неразличимости благодаря исходящему от нее “свету”, источник света — солнце, огонь, маяк... — всегда привлекает взгляд». И далее: «Вещи-самосветы поэтому и светят, что выделены на фоне обыденности как особенные» (с. 115). Такие вещи связаны со сферой сакрального и играют большую роль в нашей памяти, «привязывая» к себе важные события. Они освещают нам нашу жизнь, делая ее более яркой.

Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова в творческом трио в статье «Гекатонхейр и цветочек» (не правда ли, звучит как название песни?) поднимают проблему о возможностях философии вторгаться в сферу просто-

го вообще. Они полагают, что искусству эта задача более под силу в связи со спецификой средств выражения: «Художественный опыт к сути простой вещи подходит ближе. Средствами искусства можно уловить самое простое и дать ему выразиться — яблоку, лучу света, окну... Философия, вторгаясь в эту область и начиная работу с крестьянскими башмаками, ностальгически жаждет корнесобственности, жаждет не только и не столько вещей, обремененных собственной тяжестью, сколько самой этой вещной тяжести, веса самостийной жизни. Фюсиса, одним словом. Философия, стартовав некогда с опыта фюсиса, жаждет возвращения к тому, что было до» (с. 35). Авторы говорят о том, что вещью может быть и нечто не вещественное, а идеальное, а именно понятия свободы, любви, красоты, и тогда философский дискурс добавляет существенно новое прочтение. Но насколько просты эти «вещи»? Да, собственно, до какого предела можно ставить вопрос о простоте? Возможно ли говорить об этом? Ю. А. Разинов на этот вопрос косвенно отвечает, анализируя способ взаимодействия с простыми вещами М. Хайдеггера. Его интересует вопрос о том, был ли Хайдеггер настолько наивен, чтобы разговаривать с вещами, или достаточно мудр, чтобы разговаривать с вещами. «Один и тот же факт такого заговора может быть квалифицирован и как случай психопатологии, и как признак особой душевной щедрости, идущей от наполненности человека миром» (с. 50).

А. К. Секацкий развивает тезис о том, что простота вещи связана отчасти с убыванием ее надежности. Подтверждая свою мысль, философ ссылается на М. Хайдеггера: «Убыль, которой все вещи человеческого обихода бывают обязаны своей тоскливо-назойливой обыденностью есть лишь новое свидетельство в пользу изначальной сущности изделия». На вопрос «что происходит с вещами», мы получаем ответ: они истрачиваются! (С. 69). А. А. Грякалов дает новое антропологическое направление исследованиям: «Вещное и человеческое так проникают друг в друга, что стремление отыскивать “отдельно существующий” неизменный вещный или человеческий “монодрамматизм” оказывается иллюзорным» (с. 81). С. А. Лишаев поддерживает эту позицию в рассмотрении фетишизма: «Фетишизм говорит, что в мире есть не только вещи, но и сверх-вещи, способные быть переносчиками имени. Они «метафизичны», хотя и материальны» (с. 184). К. С. Пигров рассматривает феномен захламления на примере мусорки, анализируя преобразование ее при «удвоении» в художественном произведении.

Подобно контртеме, у Ю. А. Разинова звучит тема фальшивки, вещи неподлинной, но похожей на оригинал, ибо «чтобы быть похожей на настоящую вещь, фальшивка должна обладать определенным и необходимым набором качеств, присущих имитируемой вещи» (с. 164). Фальшивка должна обладать энергией подобия и подражания. Не правда ли, актуальная тема для нашего социума? Это и проблема копии и оригинала в культуре, и тема фотографии, и тема клонирования. Фетиш рассматривается Н. А. Грякаловым как частичное замещение объекта. Продолжая тему, он же предлагает рассматривать частичные объекты (термин психоанализа) разновидностями простых вещей. Дальше, подобно каденции в концерте эпохи романтизма, идет поток личных свободных ассоциаций, лишь слегка напоминающих тему сборника

«Простые вещи», — и среди них появляются даже маски и оборотни! «Личный дневник» — красивая каденция уровня Ференца Листа в исполнении виртуоза-маэстро К. С. Пигрова.

Третий раздел сборника «Сад вещей» действительно подобен динамической репризе, где звучит множество тем, перекликающихся друг с другом, но явно очень по-разному развитых. Так, захватывающая статья Ю. А. Разинова о двери в самом широком смысле открывает раздел. Она рассматривается и как экзистенциальный объект, и как онтологический, очерчивая границы между вещами и мирами. Ю. Е. Пермяков рассматривает «простые» феномены дороги и путешествия: «Путешествие, в котором ничего не приключилось и о котором нечего рассказать, оказывается лишь деловой поездкой, прогулкой, словом, обычным фактом» (с. 239). Здесь, конечно, о простоте вещей говорить трудно, но, с другой стороны, каждый день дорога предстает перед нами, и ведет она в самые разные области мира, себя, памяти. И здесь происходит переосмысление всего; человек «обретает способность видеть не просто вещи, но занимаемое ими пространство, и сама дорога увлекательна именно этой игрой мест. Возникающие по мере движения объекты обманчивы: то, что сначала виднеется справа, проносится слева, человек на обочине оказывается деревом с качающимися ветками, а сама округа шевелится, как неведомый зверь под огромным покрывалом» (с. 240).

Три автора (Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова) посвятили свои мысли «зазеркалью»: особой роли зеркала в отражении вещей: «Согласно постулату традиционного сознания, в зеркале видно только то, что есть, в силу чего зеркало могло служить критерием подлинности существования. Поэтому-то вампиры и прочая нежить не удостаивались высокой онтологической чести отражаться в зеркалах» (с. 253). В саду вещей есть еще рулетка, калейдоскоп, кнопки (в том числе те, которыми можно нажимать на человека), кирпичи (как орудие судьбы!), такая непростая вещь, как корсет (почему-то здесь), сигареты, видимо, забытые постмодернистами (эссе В. Л. Лехциера «Это не трубка — это сигарета: четыре перекура по поводу простых и непростых вещей»). Среди всех этих вещей, простых и сложных, ходит и кот ученый Тимошка (обозначенный как Domestic cat), и, видимо, материализуется его фантазия — кухня! Что тут сказать? Как в любой новаторской форме, чудесные простые субъекты (типа кота ученого) могут изменить рамки привычного пространства!

Венчает этот чудесный сборник подборка афористических высказываний Г. В. Мелихова, что напоминает концовку сборника о фотографии С. Зонтаг. Но и тут оригинальность формы — вторая кода — парадоксально-лирическая статья С. А. Лишаева «Счастье как присутствие» с эпитафией-пословицей В. Даля, которая и задает установку на парадоксальность в прочтении простых вещей: «Счастье с несчастьем смешалось — ничего не осталось». В целом же, «простота вещей», как показывает проект «Сила вещей», частью которого являются тексты этого сборника, рождает большое число дискурсов, обладающих оригинальностью и наполненностью смыслов. Простые вещи молчат... а молчание — это обретение нового имени.